ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ 23.01.2020 | Пол Мейсон

Прощаясь с Европой

Теряя статус гражданина ЕС, Пол Мейсон переживает не о паспорте, а о тех ценностях, которые воплощал в себе этот документ

С 2016 года в глубине моей души пульсировал вопрос: какой же европейский город я посещу последним в статусе гражданина ЕС? Теперь я знаю ответ: я только что вернулся из Бонна – города Бетховена, штаб-квартиры Deutsche Post и львиной доли государственного аппарата Германии.

Теперь это тихий городок – немецкое правительство переместилось обратно в Берлин. Повсюду разбросаны университеты: их сотрудники и студенты составляют около 15 процентов населения города. В самом большом коммерческом театре Бонна дают ныне водевиль Фейдо «Блоха в ее ухе»; в местной опере идет новая вариация бетховенского «Фиделио», тематически выстроенная вокруг помолвки турецких политзаключенных; а в главном городском кинотеатре показывают «Маленького Джо» Джессики Хаузнер.

Еда казалась мне хорошей, пиво – отменным, а общение (которое ради меня велось на прекрасном английском языке) – шикарным.

И это то, что мы, британцы, теперь оставляем в своем прошлом – возможность часового перелета и торговли (с минимальными процедурами) с самой стабильной и успешной экономикой северного полушария и самыми образованными 500 млн людей на планете.

В следующий раз при въезде в ЕС я проследую к окну с надписью «Представители других национальностей» – и все из-за того, что меньшинство британских избирателей, которые никогда не слышали о Фейдо и никогда не смотрели «Фиделио», желают расстаться с Европой. С учетом сокрушительной победы консерваторов на британских выборах в декабре, я могу быть уверенным, что при моей жизни возврата Великобритании в европейские структуры не произойдет.

Неудобный ответ

Вопрос, который задавали мне политологи и аналитики Фонда им. Фридриха Эберта, сводился к следующему: почему лейбористы потерпели такое сокрушительное поражение? Мой неудобный ответ таков: потому что мы пытались защитить ту вещь, частью которой вы являетесь. Членство нашей страны в стабильной многосторонней организации; те идеалы, которые лежат в основе трансграничной европейской культуры; наследие эпохи Просвещения – все это составляет основанный на правилах порядок, выстроенный на рациональности и уважении к профессионализму.

До недавнего времени я не переставал размышлять о том, какие чувства вызовет у меня прощание с ЕС. Я никогда не был фанатом его институтов: мертвая зона между национальным суверенитетом и наднациональным суверенитетом стала площадкой для игр крупных корпораций. Тот забюрократизированный образ мышления (начиная с Еврокомиссии и заканчивая низовыми структурами), с которым я неожиданно для себя столкнулся в рамках своей журналистской работы в Брюсселе во время кризиса еврозоны, вынудил меня задуматься о том, что я скорее предпочел бы иметь дело с отдельным суверенным государством с повышенным уровнем демократического контроля.

В своем самом худшем состоянии – во время упомянутого кризиса и последовавшего за ним вынужденного режима строгой экономии – ЕС производил впечатление потенциального убийцы главного идеала Европы.

Но теперь Великобритания уходит – день X назначен на 31 января 2020 года, траектория весьма однозначна. Де-факто мы имеем правящую коалицию правых и ультраправых сил – в условиях пятилетнего парламентского большинства и продажных СМИ, которые не станут требовать от коалиции ответственного отношения к делу. У верховенства права впереди нелегкие времена. Учитывая огромный мандат шотландского национализма, вполне вероятно, что Великобритания будет расколота. Не прекратится и традиционное перекладывание ответственности на чужие плечи.

Самое острое чувство утраты возникает не из-за единого рынка или свободы передвижения, а из-за невозможности

Брексит сам по себе доставит мало радости безрадостным людям, отдавшим свои голоса за тори 12 декабря. Следовательно, они захотят больше – больше расизма, больше ксенофобии, больше обвинений в сторону Брюсселя, отказавшегося подчиниться

скоординированного противодействия климатическим изменениям

нахальным требованиям Бориса Джонсона, премьер-министра и лидера Консервативной партии в одном лице.

Но пока переговоры по Брекситу лишь набирают обороты, а пик сопутствующего кризиса вряд ли приходится ожидать ранее конца 2020 года, самое время подвести общий итог всех эмоций и политических процессов за годы, прошедшие после судьбоносного референдума 2016 года, которому дал старт второй с конца предшественник Джонсона – Дэвид Кэмерон.

Главная эмоция, которая меня переполняет, – это сожаление. Не по поводу институциональных изменений, а по поводу упускаемой возможности, которую несет в себе теперь уже завершающееся членство Великобритании в ЕС.

Отсутствие большой стратегии

Те люди, которые смотрят на все эти события в разрезе последних 50 лет, более-менее четко улавливают ключевую проблему: после присоединения Великобритании в 1973 году ни на одном этапе европейского проекта никто реально не занимался разработкой фундаментальной «большой стратегии» для ЕС. Была некая экономическая модель – сначала кейнсианство, а затем социальный рынок. Было бездумное рвение поглотить как можно больший кусок Восточной Европы. Была еврозона, вопрос о будущем которой необходимо пока оставить открытым в свете ее финансовой уязвимости.

Но не было еще такого случая, чтобы национальные элиты или транснациональная бюрократия задумались над комплексной стратегией, достойной прилагательного «большая» – в том значении, в котором ее определяет профессор Массачусетского технологического института Барри Поузен: «теория отдельно взятого национального государства для обеспечения собственной безопасности». Вместо этого элиты Европы ввели единую валюту, создали единый рынок и ряд межгосударственных институтов, ни один из которых не доказал своей устойчивости в условиях глобального экономического кризиса.

Суть в том, что они никогда не стремились создавать отдельную экономику для Европы, не говоря уже о действенной форме правления – и при первом же серьезном структурном кризисе европейские элиты удосужились потерять экономику объемом $2,6

трлн и по ходу дела выпустить из бутылки непрогнозируемого джинна на просторы глобальной системы. Как только завершатся переговоры по соглашению о свободной торговле и сойдут на нет внутренние баталии в партии тори, Британия рискует очень легко превратиться в непредсказуемый разрушительный таран для всей глобальной системы.

Произойдет сплочение новой британской элиты – на почве спекулятивных финансовых операций и трансатлантической торговли. А взоры следующего поколения привилегированных молодых людей будут направлены скорее в сторону Вашингтона и Сингапура, чем в сторону таких городов, как Мадрид, Париж и Берлин.

«Глобальная Британия»

Я собираюсь исследовать потенциальные последствия этого нового факта или того, что вошло в лексикон тори как «глобальная Британия» – какое влияние окажут ее новые приоритеты на Европу и на более крупное противостояние геостратегических тяжеловесов в треугольнике Россия, Китай и США.

Пока что я отвечу на вопрос, который сформулировал ранее: что я чувствую? Чувства важны по той причине, что при переносе на уровень широких масс они способны преобразовывать континенты.

Самое острое чувство утраты возникает не из-за единого рынка или свободы передвижения, а из-за невозможности скоординированного противодействия климатическим изменениям. Предложенный лейбористами «Новый зеленый курс» отличался воистину радикальным характером, и те из нас, кто боролся за него, отдавали себе отчет в том, что мы делали это для преодоления продуктивистских предрассудков у многочисленных союзов, поддерживающих лейбористов. В то же время тематическая программная концепция Европейского союза, опубликованная в декабре 2019 года, оказалась слабой. Она рассматривает рынок и частный сектор как инструменты по достижению нулевого уровня выбросов углерода к 2050 году и, как следствие, не содержит ответов по поводу того, что мы будем делать, когда эти самые рынок и частный сектор потерпят фиаско, причем неизбежно.

Таким образом, оставшиеся месяцы в статусе гражданина ЕС

Достаточно разок съездить в Германию, чтобы оценить продвинутость британской социальной демократии в вопросах климатических изменений на фоне, к

я переживаю не о паспорте. Я переживаю о тех ценностях, которые должен был воплощать в себе этот документ.

примеру, такой политической силы, как СДПГ, которая сохраняет экзистенциальную приверженность угольной и автомобильной промышленности.

Но стратегическое чувство утраты, которое я ощущаю, носит культурный характер. Именно сейчас либеральную социальную прослойку в каждой европейской стране не оставляет ощущение угрозы. Мы вынуждены приносить извинения за участие в культуре Просвещения и за отстаивание этой культуры, рожденной в университетах и консерваториях таких городов, как Бонн. Цена проваленной коммуникации с все более нативистски и ксенофобски настроенными избирателями была наглядно продемонстрирована на примере декабрьского фиаско лейбористов.

Транснациональная культура

Но если полученный нами (в Британии) урок сведется к отмежеванию от транснациональной европейской культуры, это будет иметь фатальные последствия. Эта транснациональная культура пустила едва заметные ростки в 1970-х годах, когда я впервые в жизни выехал за пределы Великобритании (в Аликанте!). Ее создание – посредством единого европейского железнодорожного билета Interrail, общеевропейской образовательной программы Erasmus, европейской Лиги чемпионов, дешевых авиаперелетов, электронной танцевальной музыки, порнографии, моды и (разумеется!) Евровидения – стало, вероятно, самым масштабным и наименее понятным культурным событием на моей памяти.

Нет даже точного слова для обозначения этого явления. Но никуда не деться от того факта, что 21-летние молодые люди в Бонне с их прекрасным английским, молодые журналисты, с которыми я познакомился в Ферраре на их ежегодном журналистском фестивале, и стильные представители богемы в Вильнюсе и Дублине – все они читают одинаковые книги, смотрят одни и те же фильмы, питаются одинаковой смесью европейской и азиатской пищи и все чаще одеваются аналогичным образом.

Это прямое культурное наследие Просвещения, несмотря на прошедшие 400 лет и окольный путь развития через колониализм, национализм, фашизм, сталинизм и две мировые войны. Самый

выдающийся сын Бонна не просто так положил на музыку знаменитые слова «Люди – братья меж собой» («Alle Menschen werden Brüder»).

Но теперь ценности Просвещения повсеместно находятся под угрозой: со стороны альтернативных правых сил в США, двумя главными врагами которых являются профессиональные СМИ и квалифицированная исследовательская работа; со стороны евангелистского христианства; со стороны такой массовой народной религии, как фатализм, который прививает молодым людям, что только случай (конкурс талантов, лотерея или звездный статус в Instagram) является перспективной дорогой к богатству и счастью; и, разумеется, со стороны антигуманистических левых сил как таковых, выступающих под знаменем постмодернизма.

Таким образом, оставшиеся месяцы в статусе гражданина ЕС я переживаю не о паспорте. Я переживаю о тех ценностях, которые должен был воплощать в себе этот документ. Не исключено, что Брексит – это лишь отдельное звено в процессе дезинтеграции единого многостороннего порядка: если это так, то нам по силам пережить Брексит – и мы не утратим эту возможность до тех пор, пока продолжаем бороться за науку, рациональное мышление, верховенство права и справедливый подход к решению климатических проблем.

Впрочем, такой сценарий подразумевает отодвигание на задний план некоторых вещей, имеющих принципиальное значение для левых сил. К сожалению, сложность этой задачи может превзойти все наши прежние расчеты.

Эта статья является совместной публикацией Social Europe и IPG-Journal

---

Пол Мейсон
Лондон
Пол Мейсон (Paul Mason)- известный британский писатель и

тележурналист. В 2016 году вышла его книга "Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему".

1 LESERBRIEFE

Ави schrieb am 31.01.2020

Поразительный человек, этот Пол Мейсон! Столько глупости, лжи, чванства и невежества уместить в довольно короткий текст - далеко не каждому под силу. Ничтоже сумняшеся подсунул вместо понятия "Европа" понятие "ЕС" и твердо уверен, что сумел кого то обмануть, кроме леваков, которые и обмануться то рады - но не могут. ЕС это наиболее антиевропейский проект после гитлеровского Рейха. Выход Великобритании из ЕС это очередное спасение Европы теми же англосаксами, что и обычно - что стало счастливой традицией. Теперь остается только надеяться, что это уродливое и аварийное здание, полное воришек и бюрократов и громко именуемое Европейским сообществом, мирно развалится, не успев подгрести под собой великое наследие Великого Континента.

